

Т. Н. Савчук (Минск)

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ
(ПРАГМАСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Происходящий в современном русскоязычном медиадискурсе процесс «карнавализации» предполагает активное использование игрового потенциала языковых ресурсов, среди которых важнейшим является фразеология. Как отмечают исследователи, «сама природа фразеологизмов, обладающих яркой образностью, стилистической окраской, создает предпосылки для их использования в экспрессивной, и прежде всего в художественной и публицистической речи» [1, с. 120].

Функциональный диапазон устойчивых выражений в медийной речи велик. Фразеологические средства позволяют авторам медиатек-

стов привлечь внимание аудитории к предмету сообщения; выразить свое мнение и оценку в образной форме; сделать изложение более конкретным, наглядным, доступным; разнообразить, обогатить речь (противостоять стандарту, сухости изложения); реализовать эстетическую функцию (особенно в художественных жанрах публицистики); внести в дискурс элемент игры, оживить повествование, придать ему шутливую, нередко ироническую окраску (создать эффект «живого» общения с аудиторией).

Решению этих разноплановых прагмастилистических задач подчинен выбор одного из двух возможных способов введения фразеологических единиц (далее ФЕ) в публицистическую речь – воспроизведения или модификации. Под **воспроизведением** понимается употребление ФЕ в обычной языковой форме с присущим им значением. Используется весь спектр узуальных фразеологизмов: книжные и разговорно-просторечные, с положительными и отрицательными коннотациями. Регулярность воспроизведения устойчивых выражений подтверждается многочисленными примерами из современных русскоязычных масс-медиа: *Что за черная кошка пробежала между Россией и Западом?* (АиФ в Белоруссии, № 7, 2014); *Это был редкий <...> случай, когда автомобилисты и пешеходы души не чаяли друг в друге* (БелГазета, № 51, 2013); *Руководство страны понемногу закидывает удочки насчет платной медицины* (БелГазета, № 4, 2014); *США и ЕС ищут «троянского коня» в российской гуманитарной помощи для Донбаса* (название рубрики на портале tut.by, 12.08.14); *Надеюсь, западные коллеги не будут вставлять нам палки в колеса* (из заявления министра иностранных дел России Сергея Лаврова) (НТВ, «Сегодня», 11.08.14) и т. д.

Узуальные ФЕ привлекают внимание, распознаются адресатом на фоне нейтральных языковых выражений, что не исключает использования публицистами особых приемов их введения в дискурс, в частности, вводных оборотов: *О том, что в международных отношениях, образно говоря, сбиты прицелы и утрачены приоритеты, свидетельствует продолжение известного спора Аргентины с хеджфондами* (СБ, № 188, 2014).

Устойчивой тенденцией современной медиадискурсивной практики является использование, наряду с воспроизведением, **модификации** ФЕ, которая заключается в их преобразовании, обновлении, творческой обработке. Сохраняя образность и афористичность общенарод-

ных фразем, измененные ФЕ приобретают дополнительную экспрессивную окраску, особую выразительность.

Рассмотрим приемы модификации, наиболее характерные для современного русскоязычного медиадискурса. Как показало проведенное исследование, эти приемы отличаются высокой продуктивностью и регулярностью и относятся к одному из трех типов модификации: семантической, количественной или качественной.

Семантическая модификация возникает при разрушении образного значения фразеологизмов. Обновление семантики ФЕ достигается в результате разных видов «игры на внутренней форме»: двойной актуализации и буквализации [3]. Обращение к свободному употреблению слов, образующих устойчивое сочетание, приводит к обыгрыванию их обычного лексического значения, к двуплановому осмыслению ФЕ, что проявляется лишь в контексте: *Темза вышла из себя: Великобритания борется с одной из самых страшных стихий за свою историю* (СБ, № 29, 2014); *В Беларуси подсчитывают ущерб от майской стихии. Разбушевавшийся ветер буквально наломал немало дров* (Беларусь 1, «Новости», 22.05.14); *Кто не чист на руку? Учимся мыть руки* (ОНТ, «Жить здорово», 15.08.14); *Умываю руки! И совет... Ученые доказали: простая гигиеническая процедура дает потрясающий душевный эффект* (КП в Белоруссии, № 51, 2014).

При этом возникает внешняя омонимия ФЕ и свободного словосочетания, что рождает каламбур: *ГАИ белый свет не мил. В России хотят запретить ксеноновые лампы, которые излучают белый свет* (НТВ, «Сегодня», 20.03.10); *Взгляд искоса (о проблеме косоглазия)* (СБ, № 92, 2014); *Чтобы крыша не поехала. Важный этап строительства дома – выбор качественного и надежного кровельного материала* (БелГазета, № 8, 2010); *Весомая проблема. Какие гормоны мешают похудеть?* (АиФ в Белоруссии, № 24, 2014); *Теплое местечко. Как утеплить балкон или лоджию?* (АиФ в Белоруссии, № 29, 2014); *Худо дело. 7 нелепых способов похудеть* (СБ, № 197, 2014) и т. п.

Количественная модификация заключается в изменении количества компонентов ФЕ, причем, как правило, в сторону увеличения. Расширение состава фразеологизма позволяет придать образу особую наглядность (*ветет свежим ветром перемен на медийном рынке; выросло поколение «всезнаек» с кашей быстрого приготовления в головах*); уточняет, конкретизирует смысл высказывания (*трудная работа*

над чужими ошибками, собственное место под рыночным солнцем; ахиллесова пята теории глобального потепления, латание валютной дыры); усиливает экспрессивную окраску речи (*кость в горле интеграции, клевать на удочку экишена*); придает ФЕ новые смысловые оттенки (*ломать украинские дрова, век живи – век строить учись*).

Количественные преобразования ФЕ проявляются также в их контаминации. Такой прием позволяет соединить в медиадискурсе прагматику сообщения и воздействия и, как правило, сопровождается переосмыслением устойчивых выражений: *В остальном лидеры парламентских фракций плетутся в хвосте массового протеста. Если плелись медленно, то получали, как Кличко, струю пены из огнетушителя в физиономию* (БелГазета, № 3, 2014); *В Крыму верят: в мутной воде им удастся выловить золотую рыбку* (НТВ, «Центральное телевидение», 26.04.14).

Соединению двух доминирующих в медийной коммуникации интенций способствует также расширение фразем при их контаминировании: *Почему именно сейчас <...> вы вновь решили **подогреть интерес к больной для белорусов теме?*** (БелГазета, № 4, 2014). Прагматистический эффект может усиливаться за счет инверсии компонентов фразеологизма, а также дистантного их расположения, что проявляется, к примеру, в следующем фрагменте: *Складывается парадоксальная ситуация, при которой взаимопроникновение культур приводит к нивелированию этических норм и **стиранию исторической памяти** – как оказалось, удивительно короткой* (СБ, № 188, 2014).

Квалитативная модификация связана, прежде всего, с преобразованием лексического наполнения ФЕ – парафразированием. Суть этого приема состоит «в изменении лексического состава какого-либо устойчивого выражения или текста», результатом чего является «тематическая переориентация исходной единицы на текст, в который она вводится» [3, с. 527].

Парафразированию подвергаются разные виды устойчивых сочетаний, модели которых широко известны, а потому легко узнаваемы [4, с. 31–33]. Разрушение модели-прототипа непредсказуемым элементом создает особый выразительный эффект парафраза, в результате контекст приобретает «двойное звучание» [3, с. 527]. Яркая экспрессия обновленных ФЕ обуславливает активное их употребление в качестве рекламных заголовков, подзаголовков, анонсов, названий рубрик раз-

ных видов медиатекстов: *Пересмотр доказательствми красен, Деньги есть, ума не надо, \$1 млрд. в мешке не утаишь, От улыбки хмурый гость добрей, Огонь, вода и черная зависть* и пр.

Благодаря лексической замене значение фразеологизма не только конкретизируется, уточняется, но и нередко приобретает ироническую окраску: *Под дудку МВФ не пляшем (от кредитов АКФ воздержимся)* (БелГазета, № 26, 2013); *После игры ногами уже не машут* (о поражении футбольной сборной Бразилии на домашнем чемпионате мира) (НТВ, «Сегодня», 09.07.14).

Используя этот прием, авторы стремятся к возможно более точному сохранению звуковой организации фразеологизма (*Бьюсь об оклад, Договор дороже денег, Вырванные коды, Давос и ныне там*; ср.: *оклад – заклад, договор – уговор, коды – годы, Давос – Да воз*), сохранению ритмико-синтаксической структуры исходной фразы (*А запах драника нам сладок и приятен*; ср.: *И дым отечества нам сладок и приятен*), что усиливает прагмастилистический эффект парафразов.

Некоторые ФЕ являются особенно продуктивными моделями для парафразирования, в результате возникают множественные варианты их творческого преобразования. Например: *Не Крымом единым / Не солью единой / Не Лондоном единым* (прототипное фразеологическое выражение – *Не хлебом единым*); *Забор преткновения / Кислород преткновения* (источник парафраза – идиома *камень преткновения*); *Береги глаза смолоду / Береги пенсию смолоду* (оригинальная модель – поговорка *Береги честь смолоду*).

В исследованном материале отмечены факты одновременного использования комплекса названных способов модификации фразеологизмов. Комбинироваться приемы могут по-разному: расширение ФЕ сопровождается лексическим варьированием (<...> *настоящих полиглотов среди читателей веб-ресурсов – котэ, любимец юзеров, наплакал* (СБ? № 231, 2013)); парафраз дополняется буквализацией (*Ресторанный бизнес в Беларуси: дорого и сердито?* (Обозреватель, № 41, 2012)); лексическая замена сочетается с двойной актуализацией (*Радость луковая* (заголовок статьи об успешном выступлении белорусских спортсменов на чемпионате Европы по стрельбе из лука) (СБ, № 143, 2014)). Как видно из примеров, высказывания в таких случаях приобретают особую экспрессивность, дополнительные прагматические и стилистические коннотации.

Стоит заметить, что введение устойчивых выражений в медиадискурс не всегда является удачным. Нередко языковые модификации сопровождаются избыточным пафосом: *Фактически ни одному поколению не довелось жить без потрясений. Каждое испытало на себе ледяные ветры не лучших перемен* (СБ, № 205, 2013). В других ситуациях фразеологическое новаторство публицистов приводит к алогизмам: *Ключевые чиновники экономической сферы высказались за то, чтобы обратить вспять давнюю негативную репутацию Беларуси на Западе* (новости на портале tut.by, 04.10.14).

Проведенный анализ показал, что функционирование устойчивых выражений в современном русскоязычном медиадискурсе соответствует общим стилевым канонам публицистики, где «реализуются антиномии стандарта и экспрессии, экономии и избыточности» [2, с. 300].

Прагмастилистический потенциал фразеологии, можно сказать без преувеличения, неограничен, однако актуализация его требует не только знания фразеологических ресурсов языка, но и умения эти ресурсы использовать, руководствуясь требованиями речевой культуры и вкуса, учитывая при этом, что «языковая» игра всегда имеет свои правила.

1. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – 7-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2006.

2. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб: «Златоуст», 1999.

3. Москвин, В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь / В. П. Москвин. – 3-е изд., испр. и доп. – Ростов н/Д: Феникс, 2007.

4. Савчук, Т. Н. Приемы «речевого дизайна» / Т. Н. Савчук // Фокус, № 3 (19). – 2011. – С. 28–33.